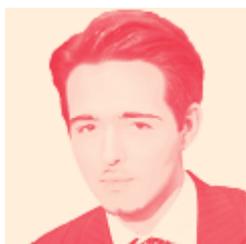

Об иллюзиях импортозамещения. К чему ведет самоизоляция нефтяной экономики?

Петр Казначеев Директор Центра сырьевой экономики РАНХиГС

Не проходит и дня, чтобы мы не услышали о какой-то новой инициативе по импортозамещению. Большинство из них сводится к тому, что кто-то остро нуждается в бюджетном финансировании. Даже братья Никита Михалков и Андрей Кончаловский попросили почти миллиард рублей из бюджета на сеть быстрого питания «Едим дома», которая, по их замыслу, сможет потеснить в России McDonalds. До 1 июля правительство должно подвести черту под списком просителей – на данный момент в нем уже 2059 проектов. Интерес потенциальных получателей бюджетных средств очевиден: добиться выдачи субсидии, а заодно оградить себя от конкуренции извне посредством уже действующих или новых антисанкций. Но каковы перспективы такой политики с точки зрения российской экономики? Посмотрим на примеры из международной практики.

Импортозамещение: аргентинский эксперимент

Основным идеологом концепции импортозамещения считается аргентинский экономист Рауль Пребиш, который оказал большое влияние на экономическую теорию и практику во второй половине XX века. Пик его влияния в Аргентине пришелся на 50-е и 60-е годы, период правления Хуана Перона, и последующие годы военной диктатуры, когда идеи Пребиша легли в основу проводимого в стране экономического курса. Увлечение концепциями Пребиша в мире в

послевоенный период было столь серьезным, что позволило ему стать влиятельным международным экономистом и генеральным секретарем Конференции ООН по торговле и развитию.

Рауль Пребиш. 31 августа 1966

UNCTAD

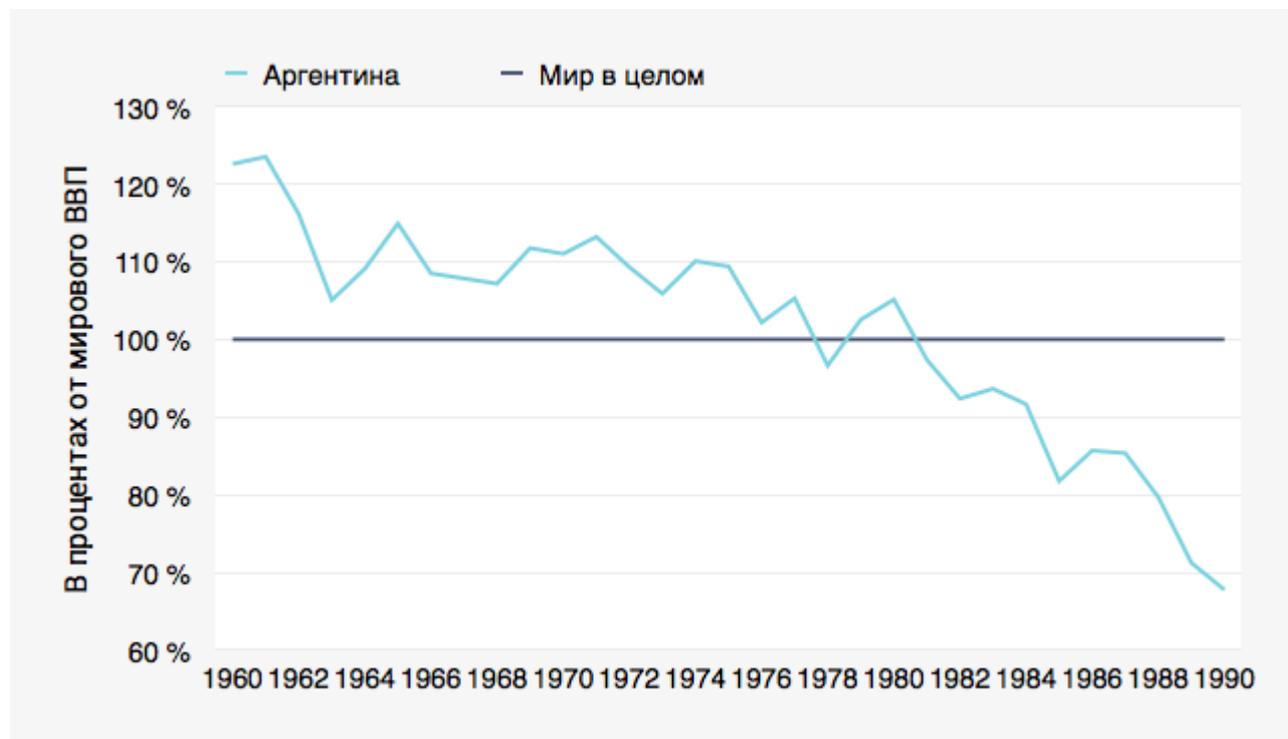
Пребиш обладал острым политическим чутьем и быстро уловил, куда дует ветер. На основе идей немецкого экономиста Ганса Зингера он

разработал гипотезу, согласно которой страны третьего мира отстают в развитии в силу зависимости от продажи сырья и сельхозпродукции своим бывшим метрополиям. Основная причина отставания в том, что цены на сырье растут медленнее, чем цены на продукцию с высокой добавленной стоимостью, которую страны Запада потом продают своим бывшим колониям. Это международное разделение труда усугубляет положение последних, делая богатых богаче, а бедных беднее. Такое объяснение пришлось по вкусу многим политикам развивающихся стран, так как позволяло возложить ответственность за отставание в развитии на колониальную систему. Собственно, основной постулат Пребиша – бедные отстают в развитии по вине богатых – по сей день лежит в основе идеи «золотого миллиарда» и движения антиглобализма.

В качестве альтернативы Пребиш выдвинул концепцию импортозамещения. В результате на протяжении четверти века Аргентина была своего рода лабораторией для проведения эксперимента на основе его идей. Увлечение этой концепцией на время подхватили и другие страны Латинской Америки, в частности Бразилия и Мексика. В какой-то момент стало казаться, что наступил перелом, идеи овладели массами. Хуан Перон объявил о том, что аргентинская модель – это реальная альтернатива капитализму и социализму, тот самый «третий путь».

Основной рецепт Пребиша, индустриализация на основе импортозамещения (import substitution industrialisation – ISI), заключался в активной поддержке государством национального машиностроения и других промышленных производств. Основным приоритетом была «опора на собственные силы», ради которой правительство выдавало аргентинским компаниям дешевые кредиты, квотировало импорт, вводило валютный контроль и жестко фиксированный обменный курс. Параллельно происходило огосударствление экономики, были созданы госмонополии в

нефтегазовой промышленности, железнодорожном транспорте, электроэнергетике, связи и т.д.

ВВП на душу населения Аргентины (постоянные доллары, 2005)

относительно мирового уровня

Источник: Всемирный банк

За экономические эксперименты с импортозамещением и дирижизмом Аргентина заплатила высокую цену. В результате она получила низкую конкурентоспособность, галопирующую инфляцию, колоссальный национальный долг и фактическое банкротство государства, которое не в состоянии было субсидировать неэффективные производства.

До Второй мировой войны Аргентина была одной из самых успешных экономик мира, опережая по уровню среднедушевого дохода большинство стран Западной Европы. К середине 70-х Аргентина оказалась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. Последующие полтора десятка лет стали для Аргентины

тяжелым испытанием: ее ВВП сократился на 20%, средняя годовая инфляция измерялась трехзначными показателями, а в 1989 году началась гиперинфляция, когда цены в течение года выросли в 30 раз. В итоге четверть века была потрачена на попытки претворить в жизнь планы Пребиша, а затем еще столько же на то, чтобы восстановить экономику после этих опытов (причем окончательного восстановления так и не произошло). Неудивительно, что термин «импортозамещение» воспринимается сегодня в Аргентине как ругательство.

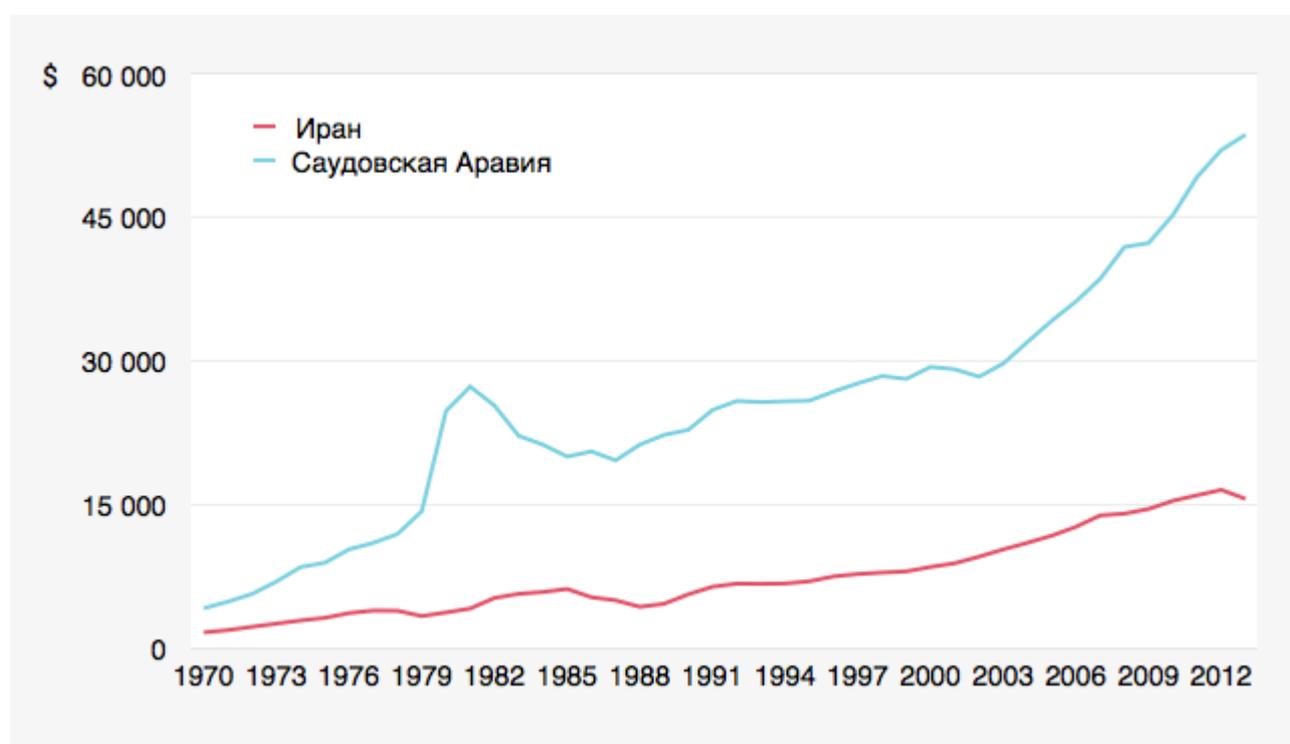
Изоляция: иранский сценарий

После победы исламской революции 1979 года Иран стал активно отгораживаться от мирового сообщества. Случай Ирана для России даже более показателен, ведь Иран – это тоже нефтяная экономика, попавшая под международные санкции. Как и в России, санкции Запада затронули и финансовый сектор Ирана, и его нефтегазовую отрасль, только в более жестком виде.

Изоляция Ирана произошла не одномоментно, а нарастала в течение многих лет по мере того, как углублялось противостояние с мировым сообществом. Итогом стала очень глубокая экономическая отрешенность на грани автаркии. Например, в Иране действует полностью изолированная от мирового рынка система банковских карточек, не связанная с Visa и MasterCard. Что принесла Ирану экономическая автаркия, наглядно видно при сравнении с соседней Саудовской Аравией, его основным геополитическим конкурентом. Здесь надо оговориться, что мы сравниваем исключительно экономическую политику двух стран, а не уровни политических, гражданских и религиозных свобод. По ним обе страны находятся в самом низу мировых рейтингов.

В сравнении с Ираном саудовское королевство обладает достаточно открытой экономикой с относительно низкими барьерами для ведения

бизнеса. В [рейтинге Doing Business](#) Всемирного банка Саудовская Аравия стоит на 49-м месте, а Иран – на 130-м. До смены власти в Иране и национализации его экономики стартовые позиции двух стран были достаточно близки, а по ряду параметров (например, образованию) Иран сильно опережал своего ближневосточного соседа. Но с 70-х годов произошли кардинальные изменения: сегодня ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Иране [в три с лишним раза ниже](#), чем в Саудовской Аравии (\$15,6 и \$53,6 тысячи соответственно). По данным Всемирного банка, Саудовская Аравия занимает 8-е место в мире, а Иран – 71-е. Одна из главных причин столь масштабного разрыва заключается в том, что Иран в отличие от Саудовской Аравии не сумел воспользоваться своим сырьевым потенциалом.

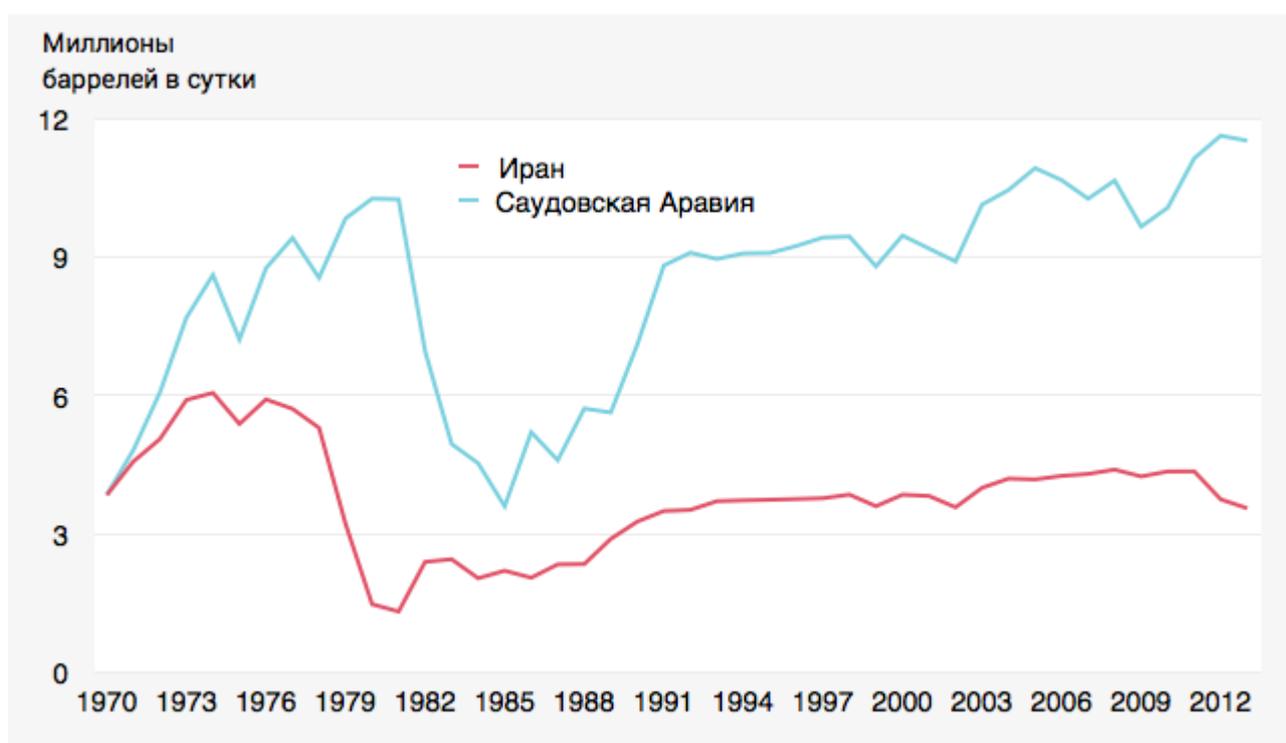

Реальный ВВП на душу населения в Саудовской Аравии и Иране по паритету покупательной способности

Источник: МВФ и Всемирный банк

С 1970 года Иран сократил абсолютные объемы добычи нефти, а Саудовская Аравия увеличила добычу в три раза. Этот разрыв почти

один в один соответствует разрыву в уровне доходов на душу населения. И это неудивительно: учитывая высокую степень зависимости обеих стран от нефтяного экспорта, его объем играет решающую роль в определении темпов роста. Да, население Ирана более чем в два раза превосходит население Саудовской Аравии, так что добиться уровня доходов саудовской монархии за счет одного лишь экспорта нефти Ирану вряд ли бы удалось. Но даже если бы ВВП на душу населения достиг лишь половины от уровня Саудовской Аравии, это позволило бы Ирану встать на один уровень с такими странами, как Польша, Литва или Словакия. По ресурсному потенциалу у Ирана были для этого все основания: по совокупным доказанным запасам нефти и газа он даже превосходит Саудовскую Аравию. Но, как показывает опыт, развитие сектора недропользования в условиях изоляции не позволяет добиться подобных результатов.

Производство нефти в Саудовской Аравии и Иране

Источник: BP Statistical Review of World Energy

Для того чтобы оценить последствия политики «опоры на собственные силы» в условиях нефтяной экономики, не обязательно далеко ходить

за примерами. История СССР перед его распадом наглядно продемонстрировала все издержки такой модели. Тем не менее импортозамещение снова входит в политическую моду в России.

Смена парадигмы торговой политики

Сейчас в Госдуме рассматриваются поправки в федеральный закон «О закупках», которые призваны, по мысли авторов, ускорить освобождение от импортной зависимости. Реакцией на этот закон стало так называемое «письмо семи», широко растиражированное в прессе, в котором руководители «Роснефти», «Лукойла», «Газпром нефти», «Сургутнефтегаза», «Башнефти», «Новатэка» и «Зарубежнефти» обращаются к Владимиру Путину с критикой этих поправок. Озабоченность нефтяников понятна: учитывая высокую степень зависимости российского ТЭКа от импортного оборудования, попытка форсировать отказ от импорта [может привести](#) к существенному сокращению добычи нефти и газа.

Зависимость от зарубежных компаний не ограничивается оборудованием как таковым. По подсчетам Центра сырьевой экономики РАНХиГС, в секторе нефтесервисных компаний доля иностранного участия составляет 23%. Опора же на иностранные компании в российских проектах, связанных с горизонтальным бурением, составляет 56%, а в области технологий гидроразрыва пласта зависимость [практически полная](#) – 93%. И именно такие технологии больше всего затрагивают санкции. В такой ситуации ответить «на санкции антисанкциями», то есть самим ограничить закупки оборудования за рубежом, представляется абсолютно контрпродуктивным, равно как и нереализуемым на практике (во всяком случае, в обозримой перспективе). На это, собственно, и указывает острая реакция нефтяников.

На днях глава Минпромторга назвал сумму, которая потребуется на реализацию программ импортозамещения, – она составляет 2,5 трлн

рублей. Это более 60% средств Фонда национального благосостояния. В условиях низких цен на нефть, санкций и вероятного падения добычи углеводородов возможности финансировать данную систему у государства сильно сокращаются. Но дело не только в дефиците средств. Государственные инвестиции замещают активность частного сектора и дают прекрасную возможность для реализации коррупционных схем. Основной опасностью форсированного импортозамещения с опорой на перераспределение нефтяной ренты является дальнейшее огосударствление российской экономики и, как следствие, падение ее эффективности.

В чем же тогда заключается реальная альтернатива? На мой взгляд, важно принципиально изменить отношение к санкциям и по-новому взглянуть на внешнеторговую политику. Во-первых, рациональной реакцией на ограничения торговли с Россией может стать большая открытость в торговле с внешним миром, прежде всего с теми странами, которые таких ограничений не ввели. Например, ряд стран Азии, в частности Южная Корея, Китай и Сингапур, производят широкий спектр оборудования для нефтегазового сектора. Не воспользоваться такой возможностью выстроить новые торговые связи было бы крайне неразумно.

Во-вторых, важно отказаться от отношения к санкциям как к цунами – к чему-то из разряда стихийных бедствий, с которыми ничего нельзя сделать. Введение санкций против России, равно как и применение антисанкций, было политическим решением. Так что и отказ от них может быть только результатом политических переговоров. Причем, как следует из всего, что произошло за последний год, отмена санкций является для России крайне актуальной и срочной мерой.